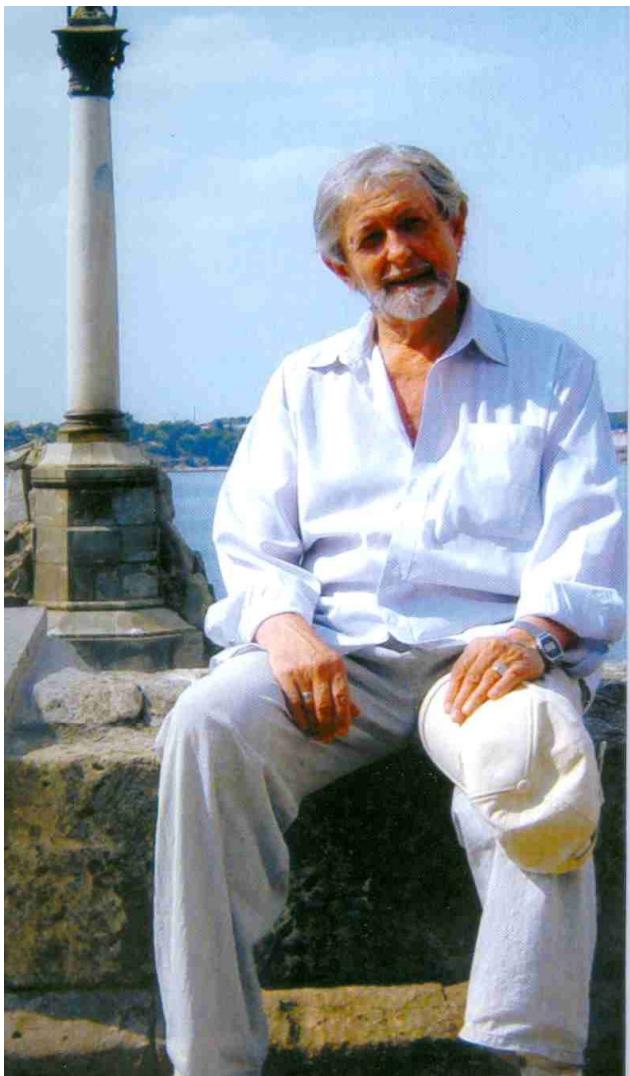

Евгений АЛЕКСЕЕВ

*И звуки зарождаются
во мне*

Литературное объединение
«ЖЕМЧУГА»

Евгений АЛЕКСЕЕВ

*И звуки зарождаются
во мне*

Четвертый сборник новых стихов

Оленегорск
2008

Люблю, что это не хеви
Сердце, что есть в тебе
и в мире
и в душе
с любовью
Н. О. Н. 08

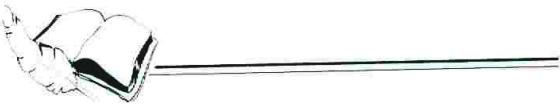

Новая книга поэта Евгения Алексеева органично продолжает и развивает то, что было написано им раньше. Он будит свои воспоминания, проводит различные параллели – как межличностные, так и исследующие ширину и глубину российских просторов.

Болеющий душой за Россию, за её будущее, автор не может молчать о том, что происходит с нашей страной, не поддаётся местечковому успокоению, старается достучаться до людских сердец, донести до читателя своё мироощущение добрым русским словом, вести к миру, свету, православным традициям.

«Стихи мои – то дерзкие слова, То схожи с песней, с трепетной молитвой», – утверждает Евгений Иванович, и это в самом деле так. Он верит, что его поэзия «как семя в чьё-то сердце западёт и прорастёт». На это надеется каждый пишущий человек, и мне кажется, что стихи, представленные в этой книге, в самом деле отзовутся теплом в читательских душах.

Марина Чистоногова,
член Союза писателей России

"Для добра, для любви, изгоняя из сердца недуг"

Эпиграфом к новому, четвёртому сборнику стихов Евгения Алексеева "И ЗВУКИ ЗАРОЖДАЮТСЯ ВО МНЕ" вполне могли бы стать ныне малоцитируемые строки Александра Блока, написанные им почти сто лет назад, в сентябре 1911 года: "И я люблю сей мир ужасный: за ним сквозит мне мир иной, обетованный и прекрасный, и человечески-простой".

Когда читаешь стихи, вошедшие в сборник, не выборочно, а один за другим, подряд, ясно видишь, что "сей мир ужасный" (по определению Алексеева — "мрачный мир") со всей его бросающейся в глаза изломанностью, угловатостью, непрглядностью, исковерканностью, со всеми его, выражаясь старинным языком, непотребствами, то и дело приковывает к себе пристальный взгляд поэта.

В сборнике, в котором раскатисто и непринуждённо звучит лирическая струна (об этой стороне творческого дарования Евгения Алексеева — чуть дальше), нашлось место и для строк явно публицистического накала. Автор, сняв с себя маску лирического героя, направую вторгается в "злобу дня" ("Надену-ка доспехи

Дон Кихота", "Рассвет забрезжил, и пора настала нам выступать"), чётко расставляя свои приоритеты — и здесь мало не покажется: жлобъём он назовёт жлобъём, вора вором.

"И бродят по Руси уроды и мутанты со льдиною в груди и со зрачком змеи", "Кругом разгул пороков и страостей, Распутство с хамством разделили ложе", "Грехом растлилась бедная Россия" — от этих жутких сюрреалистических фантасмагорий, вполне в стиле Гойи или Сальвадора Дали, поистине мурашки по коже пробегают.

Такого рода строки в алексеевском сборнике не должны вызывать удивления — ведь давно и хорошо известно, что жить в обществе и быть свободным от общества невозможно, и даже тот, кто прочно и удобно, добру и злу внимая равнодушно, обосновался-устроился в пресловутой башне из слоновой кости, неминуемо спустится когда-нибудь вниз, на грязный асфальт — и тут он узнает, что в ближайшем магазине цены на вожделенные им водку, сигареты и колбасу снова — в который раз уже! — выросли...

Вот почему "Русь, страна моя, ты птицей-тройкой в даль несёшись — к свету ль? в темень?" — это вопрос отнюдь не риторический, а самый что ни на есть жизненный и даже житейский, в общем контексте книжки он вполне оправдан и даже по-своему логичен.

Но, к счастью для читателя, да и для самого автора в первую голову, его искания, интонации и пристрастия диктуются отнюдь не только "музой гнева и печали". "Мир иной, обетованный и прекрасный, и человечески-простой", если

вернуться к уже процитированному блоковскому четверостишию, прежде всего властно влечёт к себе поэта, и я положу руку в огонь, утверждая, что его главные творческие завоевания, явленные в новом сборнике, связаны с постижением именно этого мира.

"Если к людям сердце охладело,
Если из него любовь ушла –
Нечего винить слепое тело,
Виновата зрячая душа..."

– вот и всё стихотворение, четыре строки всего лишь, но как много поведано – это как раз тот случай, когда, по слову классика, словам тесно, но мыслям просторно, здесь и вправду ни добавить, ни убавить. И посмотрите, как очень к месту здесь многоточие в конце стиха – так и хочется воскликнуть: "Ай-да Алексеев, ай-да молодец!".

"Там, где любовь живёт – не льётся кровь,
И у детей не пухнут в плаче губы.
И Мир не красота спасёт – Любовь,
И веру и надежду не погубит"

– за такого рода обобщением, да ещё и афористически отчеканенным, стоит не только возраст, но и способность к размышлению, более того, к осмыслению, я бы даже сказал так – ...к соразмышлению и к соосмыслению, ведь здесь невозможно не заметить скрытую полемику с известным высказыванием Фёдора Достоевского.

"У нас в kraю ещё деревья голы,
А у тебя черёмуха цветёт..."

"Звучит во мне в тиши вечерней голос
И по России мысль мою ведёт"

– поначалу я хотел оборвать цитату на этом месте, мне казалось, приведенных строк вполне достаточно, чтобы наглядно проиллюстрировать, насколько мелодичен, напевен алексеевский стих, но не могу воспротивиться искушению и плыву далее в этом мощном лирическом потоке:

"В твои места, где в царстве Берендея
В дали от поселений и дорог,
От смоляного запаха пьянея,
Лесами нёс царевну серый волк.
Здесь сказочные образы витают,
То хитро улыбаясь, то ворча.
И сердце от волненья замирает
У чистого прозрачного ручья.
И всё живое жадными устами
Пьёт синеву с холодною водой.
И верится, что гроб висит хрустальный,
Невдалеке с паревною младой..."

"Вновь недужье в ночи приползло,
и рукою костлявой,
ухмыляясь недобро,
сжимает сердце моё.
Не за те ль времена,
где наивно мечтал я о славе,
Людям реже давал,
но чаще у них брал в заём"

– какое пронзительное признанье, на пороге саморазоблачения, когда человек, оставаясь один

на один с самим собой, сам себе – высший Судия (не судья, а именно так – с ударением на первом слоге и с прописной буквы!).

Всё это, конечно же, лирика истинная, изначальная, когда поэт даёт возможность заглянуть в святая святых своей внутренней жизни, и – спасибо ему за это!, потому что его переживание и его эмоции становятся нашими переживаниями и нашими эмоциями, обогащая духовно и нас.

Впрочем, хватит раздирать новый сборник Евгения Алексеева на цитаты, удачные метафоры и образы автора, что называется, на виду – здесь и капель, которая "как клювом птица, по карнизам застучит", и "зима – актриса славная – станет рученъки заламывать", и сорока на столбе – "грудь вперёд", "симпатичная модница" – перечень этот внимательный читатель наверняка продолжит и без моей помощи.

Мне же, человеку, уже многие годы с симпатией следящему за творческим путём Евгения Ивановича Алексеева, по главной своей профессии врача, хирурга, и при этом безусловно хорошего поэта, остаётся присоединиться к тем пожеланиям, которые он в одном из стихотворений адресовал сам себе: "чтоб снова блеснул, как и прежде, в руках моих скальпель – этот многие годы надёжный и преданный друг" – "и воспряну от сна, словно вышив божественных капель – для добра, для любви, изгоняя из сердца недуг".

Яков Черкасский

Мой щит

* * *

Стихи мои – то дерзкие слова,
То схожи с песней, с трепетной молитвой.

Не важно, где рождается строфа –
За трапезой или в незримой битве
С недремлющим, неугомонным злом,
Что норовит подсечь и в бездну кинуть...
Они мой щит и не дадут погибнуть,
И в шторм из рук не выпадет весло.

А выпадет...

Отправится в полёт
Моих стихов осиротевших слово.
Как семя в чьё-то сердце западёт
и прорастёт.

Созреет добный плод
И, может, словом обернётся снова.

Горит закат, пылающий в окне,
Макушки крыш лучами солнце лижет.
Мне этот мир становится всё ближе,
И звуки зарождаются во мне.

Не потому ль, что вновь весне приди,
Что прогремят, омоют землю грозы,
И так запахнет терпко лист берёзовый
На улицах, вокруг – с ума сойти!

И мне опять захочется в пути
Свернуть тайком в Приволжские овражки,
Рубаху снять и броситься в ромашки,
И ощутить томление в груди!

Октябрь, 2005

И зазвучит весёлый альт

Я в лето уезжал – а вот вернулся в осень
От дальних берегов в родной Оленегорск.
Вновь пелена дождей закрыла неба просинь
И в скверах порыжел травы зелёный ворс.

И будто за вину осуждены деревья –
Скрутили руки им суровые ветра,
Вот кликнут палача –
и лихо, не робея,
Он волосы у них побреет до утра.

Но мне в который раз подсказывает опыт,
Что с неба зазвучит вот-вот весёлый альт,
Холодный солнца луч блеснёт высокой проброй
И золотым дождём прольётся на асфальт.

И отчего-то шаг становится мой лёгким,
И трепетное сердце тает, словно воск,
Когда средь суеты
на берегах далёких
Я скорой встречи жду с тобой,
Оленегорск.

*Христос воскресе из мертвых,
Смертию смерть поправ,
И сущим во гробех живот даровав.
/Тропарь Пасхи/*

Приход Пасхи

Ещё у нас идут страшной недели даты
И припадаем мы к подножию Креста.
И скорбной пеленой ещё земля объята...
Но на исходе дни Великого поста.

Средь сумерек уже на небе ярче краски,
Сильнее шум ветров и птичий хор звончей –
То близится приход
Великой Красной Пасхи,
Забытый вкус яиц и сдобных куличей.

И резво, как дитя, взыграет солнце вскоре,
Заскрится в лучах преображеный лес.
И тайно оживёт в земле уснувший корень,
И эхом прозвучит нам с гор: «Христос Воскрес».

Мы в тех словах сейчас нуждаемся особо,
Когда добро и честь утрачивают вес...
Пусть царствует любовь
и да исчезнет злоба!
Звучит пасхальный глас
и рвётся до небес.

Союз мелодии и слова

Уста поют со сцены:
«Господи помилуй»,
Крылатовская песня рвётся ввысь,
И с каждым вдохом набирает силу,
И в небеса готова унестиесь.

Рефреном —
«Господи помилуй»
слышно снова
И вызывают автора на бис...
И тают, словно тени, гнев и злоба,
Где мощь мелодии и слова
Чудесным образом слились!

Метаморфозы

Синеву небес безбрежную
Позакрыли тучи снежные,
Но синички напророчили,
Что зима уходит в тень.
Что апрель снега обрушит
И недолго длиться стуже,
Будут ноченьки короче
И длинее станет день.

А зима — актриса славная —
Станет рученъки заламывать,
Ей с рождения, изначала
Отступать не по нутру.
И снегами и порошкой
Замётёт пути-дорожки
И хозяйкой величавой
Вновь начнёт свою игру.

Но повеют ветры южные
И разгонят тучи выюжные.
Солнце в небе воцарится,
С гор покатятся ручьи.
Потемнеет лёд на речке,
Распрямят деревья плечи
И капель, как клювом птица,
По карнизам застучит...

Встреча

С реки вечерней ветерок упругий
Дыханье самоходных барж донёс...
Вот мы и встретились с тобой, подруга,
Давай присядем на речной откос.

Поговорим спокойно, без упрёков
О нашей жизни, что не удалась...
— Ты помнишь, моя милая дурёха,
Как радовались близкие за нас,
Когда в общаге нам кричали «Горько»
Студенты-однокурсники, друзья?
Ты помнишь нашу маленькую койку,
Счастливые глаза, лишь ты да я?

Тогда казалось счастью нет предела,
Не будет у любви моей конца...
Наверное, я в жизни мало сделал,
Чтобы сбылись мечтания юнца.

Приняв за должное судьбы подарок,
Я вздёрнул удила своих страстей.
И заметался совести подранок
В плену у встреч, застолий и гостей..

...А ты не слышала, собою упиваясь,
Сердечка своего немой укор.

А ты не видела, не видела в упор,
Как наши чувства гибли, убывая...

Тех лет уж нет...

И прошлое не манит,
Но иногда пронзает сердце боль...
Кого винить, что так случилось с нами,
Скажи...

Лишь одного меня?
Изволь...

Твои глаза искрятся светом алым
И тем уже мне душу веселят,
Что злой мы любовь не замарали
И склокой не унизили себя.

* * *

Как-то всё охотнее с годами,
Отложив житейские дела,
Уношусь я мыслями за дали –
В сказочный, иной архипелаг.

Где не шьют одежду цвета хаки
И святых в почёте образа,
Где не оскорбят, не тронут страхи,
Слёзы лишь от счастья на глазах...

Здесь под вечер тени рядом бродят
И бывает –
на моё крыльцо
Старые знакомые приходят,
Те, кого встречал и знал в лицо.

У кого с любовью жал я руки
И о ком в разлуке тосковал...
Пацаны и школьные подруги!
Не стесняйтесь, проходите в зал.

Вижу среди вас одну...
И чту я
Образ девы – чудо во плоти!
С кем не раз, замерзших ног не чуя,
Я по Борским улочкам бродил.

Обнимал с волнением за плечи...
Ну же, выходи, не стой в тени.
И, как раньше, радостно при встрече
Протяни мне руки, протяни.

Знаю, что у них в морщинках кожа,
И не та, как раньше, свежесть губ.
Пусть не так, как раньше...
Ну и что же!
Я в строку твой образ облеку.

Прозвучит опять мне голос сочный,
Дрогнет нежно старенький рояль.
Помнишь ли ты сад морозной ночью?
От любви был пьян тогда не я ль?

Озарится мыслью лоб высокий,
Заискрятся серые глаза...
Жаль, что не вместили эти строки,
Всех, о ком хотелось рассказать.

Отзвучали, словно песня, годы,
Мне оставив прошлого клавир...
Истлевает ночь...
Друзья уходят...
За окном рассвет – реальный мир.

Весну припомнин ли былую,
Любви ли радостный отсвет,
Таясь, я на тебя любуюсь,
Нарушив скромности обет.

Мне до тебя и нет бы дела,
От страсти не бросает в пот —
Смотрю на молодое тело,
На часто дышащий живот,
На стан твой гибкий и упругий,
И как сейчас,
схватив кураж,
Ты вверх разбрасываешь руки,
Под грохот музыки кружась.

И тайно будто и неспешно,
Среди ритмических полос
Глядишь с лукавою усмешкой,
Раскинув шёлк своих волос
Как сети,
как любовь былую...
И, сознавая страсти вред,
О, дева!

Я тобой любуюсь,
Нарушив скромности обет.

28.03.06

20

У нас в краю ещё деревья голы,
А у тебя черёмуха цветёт...
Звучит во мне в тиши вечерней

голос
И по России мысль мою ведёт.

В твои места, где в царстве Берендея
Вдали от поселений и дорог,
От смоляного запаха пьянея,
Лесами нёс царевну серый волк.

Здесь сказочные образы витают,
То хитро улыбаясь, то ворча.
И сердце от волненья замирает
У чистого прозрачного ручья.
И всё живое жадными устами
Пьёт синеву с холодною водой.
И верится, что гроб висит хрустальный,
Невдалеке

с царевною младой...

Ложится ночь на землю светлой грустью,
Роняет май черёмух белый цвет...
Блаженный край лесного захолустья,
Храни Господь тебя от всяких бед!

21

* * *

* * *

Я на чресла надену зуннар*,
Чтоб не очень гневить Магомета.
Попрошу его, чтоб до рассвета
Песни пела мне дева Зухра.

Пусть откроет завесы причуд
Под покровом ночного зефира,
Растревожит в груди у кафира
Пятерицу замолкнувших чувств.

Первозданных, забытых уже...
Взбудоражит и дерзко и смело,
Как сумела прекрасная дева,
Что жила на восьмом этаже.

И куда, словно в юности, я
Каждый вечер, в небрежной хламиде,
Приходил свою деву увидеть,
От любви и от нежности пьян.

Я и нынче, как прежде, Зухра,
Любы мне твои лады восточные.
Пусть поёт о любви этой ночью
В твоих пальчиках нежных зурна.

* Зуннар – цветной пояс, который носили иноверцы в мусульманских странах в средние века.

В этот год лето выдалось жаркое,
Оскудели у неба сосцы.
И старательно засуха жамкает
Уцелевшие где-то овсы.

Видно, влагу стихии не зачали
И под землю ушли родники.
И глазами, от солнца незрячими,
В небо снова глядят старики.

Словно нынче родимые вспомнили,
Как у Господа влагу прося,
Деды их выходили с иконами
и хоругвями,
перекрестясь.

Всей деревнею шли за околицу,
Где поникла от засухи рожь,
Прославляя единую Троицу,
Призыва спасительный дождь.

И свершилось чудо передное –
Проливалась на землю гроза
За надежду, хранимую предками,
в благодать,
и за веру в глазах...

Нам бы веру хранить эту чистую
Да почаше поглядывать ввысь...
А иначе – не выжить, не выстоять
И России от бед не спастись.

26.09.06

Преддверие осени в Выборге

Украдкой вновь приходит осень,
Созревшим колосом звеня.
На небе всё бледнее просинь,
Слышнее голос воронья.

В порывах страсти ветр игриво
Ласкает скальные бока,
И в волнах Финского залива
Дробятся рябью облака.

И если б дали мне на выбор,
Где жизнь прожить на склоне лет,
Я предпочёл тебя бы, Выборг,
Свидетель войн, Петра побед.

Тут в старину, в былые годы
Вставали беды в полный рост.
И это помнит древний город –
России западный форпост.

Когда жгутом вздувались вены
И крепостей дымилась моць,
Твои защитники на стенах
Несли дозор – и день и ночь.

И ты, о славный Выборг, ведал
Сражений бешеный накал,
Миренъе русичей и шведов,
Когда шум битвы утихал.

24

25

Века минули...
И во славе –
Над городом Российский флаг.
И пет сражений, и в подвале
Нас ждёт уютный Pancerlaks.

Здесь в старину пивали пиво
Владельцы лютней и кифар,
Звучали струны и – о, диво!
Спадал воинствующий жар.

А за решетчатую стенкой,
Куда проникнуть не дано, –
В прохладе,
разного оттенка.
В бочонках терпкое вино.

Везде домам фасады ладят,
На Ратуше наводят лоск.
В вечерней мгле над водной гладью
Крыла простёр Петровский мост.

И что-то шепчет в сновиденьях
Нам «Батарейная гора»,
На Анненские укрепленья
Спускается ночная мгла.

Она укрыть уже готова
Скамейки у резных оград,
И башню Олофа святого,
И Монрепо – старинный сад,

Беседки, ропти и запруды,
И памятник царю Петру...
Приметы осени повсюду –
И в парках, в скверах и в порту.

Лицо сильнее ветер студит,
Всё гуще утренний туман.
И хочется скорее люду
С холодных улиц по домам.

Роняют, словно гроти меди,
Деревья рыжую листву.
И птицы стали югом бредить
Уж не во сне, а наяву.

У кромки Финского залива
Рябит белесая вода.
И стаи облаков пугливых
Несутся, как мои года...

2.09.06

* * *

Луна полноет, словно на дрожжах,
И намекает мне во мгле вечерней,
Что будто собирается рожать
И подарить нам много лун дочерних.

Ну что ж, как говорится, сей почин
Является полезным, даже мудрым –
Пусть плоть свои волшебные лучи
Влюблённым парам, что встречают утро.

А полночью глухой, когда печаль,
И призраки пугающие кружат,
Пусть их лучи высвечивают даль,
Покой и мир вселяют в наши души.

А если нет на небе ни одной –
Свечу зажгут,
на стол поставят люди
Игристое, весёлое вино,
Пахучий сыр на золотистом блюде.

И выпьют хмель, как водится, до дна,
И песнь споют, традиций не нарушив.
А что ж луна? –
она у нас одна,
Хоть и слегка корявая снаружи.

Про зверя

Говорят, в лесах Марий Эл
Зверь завёлся – исчадие Ада.
Всё живое в округе приел
Этот монстр
по имени Абда.

До двух метров – таков его рост,
В шерсти весь, как положено зверю.
Но, однако, не глуп и не прост,
Если тамошним жителям верить.

И поля яровые топча,
В тех местах по селениям рыщет,
И громадные зубы торчат
Из его приоткрытого рта...

Ходит слух: мужика обманул
Злой колдун, ужас сделавший былью...
Чтоб стать прежним – девицу одну
Ищет зверь, чтоб его полюбила,

И как в сказке, в далёком краю
Бродит в чаще он с целью одною,
И звериную жажду свою
Запивает водой ледяною...

Сколькоих Абд перевидела Русь
И сейчас они ходят по кругу...
Ну, а зверь?

Да живёт себе пусть,
Может кто и полюбит зверя...

18.06 26.11.07

Материнское горе

* * *

Закричали уста, затем завыли –
Постигло её страшное горе:
Взрослую дочь где-то на юге убили,
В городе южном, у Чёрного моря.

Двоих их было, двое, и оба погибли:
Вместе с ней юноша, парень любимый,
На остановке, на дорожном изгибе
Разом не стало – машиною сбило.

Деве стать бы вскоре женою мужнею,
С нежной любовью зачать ребёнка.
Их встречали б словами радушными,
И дарили пелёнки и распаечонки...

Глупый случай нередко правит нами,
Давит на плечи глыбой бетонною...
Долго матери ходить с пустыми глазами,
В сердце залечивать рану бездонную...
Встань, родимая, под образами,
Сотвори молитву заупокойную.

Август, 2006

Словно хроник-больной
Т. пишет лето нам грустные повести,
Что, мол, грудь молодую,
как обручем, холод сдавил.
И что стаи сорок, обнаглев,
без стыда и без совести
В рощах подняли крик,
отыскав свой трескучий клавир.

Вот одна на столбе – грудь вперёд –
будто вымолвить хочет мне,
что холодные дни
ещё долго от нас не уйдут.
И трепчит наверху,
словно «шьёт» автоматная очередь
Или как «брэ-кэ-кэкс»
у лягушек в зелёном пруду.

Погоди же, постой,
ты моя симпатичная модница,
И сестёр успокой
да скорее взгляни в календарь –
Лето в наших краях
возвещает небесная звонница,
И в сияющий колокол бьёт
веселее звонарь!

Чтоб быстрее прошло
у природы её помрачение,
Чтобы лес зашумел, закачался от радости пы
Чтоб скорее ветра
из далёких, из южных кочевий
Долгожданным теплом
одарили моих северян.

Прокукуй мне, кукушка...

Вновь родные места...
На лесной и зелёной опушке,
Над которой высь
меж деревьев согнулась в дугу,
Я услышал опять
венций голос залётной кукушки
И далёкие дни
мне припомнились в этом «ку-ку».

Ну, давай, прокукуй
сколько дней мне в сей жизни осталось!
И, как прежде бывало,
в кукованье своём ошибись.
За плечами стоит, улыбаясь,
доверчиво старость
И глазами ребёнка
глядится в небесную высь.

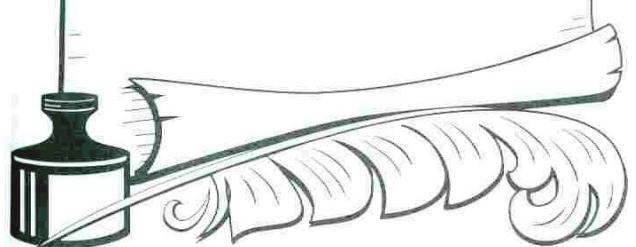
Прокукуй и о том,
сколько мыслей и злых и постылых
Посещали меня и нередко грозили бедой.
И о том прокукуй,
что одно непременное было –
Про любовь к моей маме
и к Родине вечно больной.

Пусть, кукушка, в твоём
незатейливом сереньком пенье
Я услышу слова, что сегодня, увы, не новь
И стеснится в груди,
и ускорится сердца биение,
Словно кто-то родной
мне опять говорит о любви...

7.07.01

*И мир
не красота
спасет –
Любовь...*

Память

Я не ходил с оружием в руках,
Приняв сто грамм, в кровавую атаку.
Не лез под танк, не замерзал в снегах
И от тоски бессилия не плакал.

В приволжском городке я просто рос,
С мальчишками гонял весёлый чижик,
И как и все — за школьной партой мёрз,
Когда война вдруг стала к Волге ближе.

Притих и помрачнел родной причал,
Пугающим, зловещим стало небо.
А я... о путешествиях мечтал
И в детских снах был там, где сроду не был.

И видел искореженный металл
На станции.

И сторожей пугаясь,
Я из углов вагонных выметал
Зерно, что там порою оставалось...

Уж нет войны.
А память, как экран,
Высвечивает прежних дней величие,
Где я тайком от взрослых клал в карман
Кусок ржаного,
просто, по привычке.

38

Русь настоящая

«...Русь, куда несёшься ты?
Дай ответ...
Не даёт ответа...»

H. B. Гоголь

Глянь на карту — велика Россия,
Не объемлет взор леса и горы!
Но беда — на ней с особой силой
Расплодились всяческие воры.

Грабят недра, шарят по амбарам,
Рвут, тащи...
Ни страха нет, ни дрожки.
Воры не боятся нынче кары —
Их теперь бояться каждый должен!

От богатства швы трещат —
всё мало!
Будто б всё народу, а на деле —
Жуликам ещё вольготней стало,
Расплодились на народном теле.

И жиরуют, царствуют во власти,
Безнаказанностью подогреты.
И землицу нашу рвут на части,
Позабыли Божии заветы.

39

Сколько б ни кричать нам:
«Слава»,
«Горько» —
Те ж у россиян на лицах тени...
Русь, страна моя, ты птицей-тройкой
В даль несёшься — к свету ль?
в темень?

* * *

Вместо эпиграфа.
Обезьяна приходит за своим черепом.
Ю. Домбровский. Роман.

Раскачен колокол
и он звучит на батом.
Тяжел язык из чугуна
и, может быть,
Предвидеть не смогли в России демократы,
Что тех, кто раскачал,
он может запинить.

И верно —
где теперь радетели народа,
Кто чаянья страны
на свой подняли щит?
Где дерзкие слова,
где клятвенные оды? ..
Их словно листья ветр
на свалке иневедит.

И будто мрачный мир
от Кафки или Данте
пробрался в нашу жизнь
и вознесён в зенит.

И бродят по Руси
уроды и мутанты
со льдиною в груди
и со зрачком змеи.

И, может, не поймёт музык российский
спящину,
проснувшись поутру,

что нет уже Руси...

И, осмелев, придут,
оскалясь, обезьяны,
Чтобы истлевший прах
из мрака воскресить!

Октябрь, 2005

Копьё Дон Кихота

Нет, не избыть со света зло и ложь,
Но спесь им поубавить мне охота...
Надену-ка доспехи Дон Кихота –
Пусть проберёт их оторопь и дрожь.

И для острастки древнее копьё
взьму.

Ах, шлем велик –
какая жалость!
Но радостно воткиу я слово-жало
В чванливое российское жлобье.

Как коршуны, как злое воропьё,
Они кружат над нами,
пахнет кровью...
Всё больше их.

Сидят уж в изголовье,
С опаскою взирая на копьё.

А что если с тех давних, давних дней
Всё подлое копья сего боится,
Как будто знает втайне, что девица
Его коснулась святостью своей.

Эй, Санчо Панса,
милый однолюб,
Рассвет забрезжил, и пора настала
нам выступать.

Под образами встану,
Лампаду перед лицом затеплю.

Чтоб, как бывало встарь,
и в этот раз
Восстала Русь из бездны и позора,
И длань Творца да будет нам опорой,
А я – не уклонюсь,
не спрячу глаз.

* * *

Если к людям сердце охладело,
Если из него любовь ушла –
Нечего винить слепое тело,
Виновата зрячая душа...

Октябрь, 2005

* * *

*...Виргилия нет за плечами, –
Только есть одиночество –
в раме
говорящего правду стекла.*

Вл. Ходасевич

Какая на тебе, страна, печать –
Небесной благодати иль безумства?
Всё чапце крик хмельной
да свист бича
Над спинами сограждан иеразумных.

Кругом разгул пороков и страстей,
Распутство с хамством разделили ложе.
Народ живёт отдельно от властей
И суетно,

не слыша слово Божье.

Народ...

Тебе ж начертан путь иной
Да и жених другой России сужен...
Но не стоит Виргилий за спиной,
Похоже, никому он здесь не нужен.

Как часто не нужны ни Рай, ни Ад,
А вера во Христа – лишь сердце сушит...
Но не откроет Петр небесных врат
И грешную вовнутрь
не пустит душу!

46

* * *

Видно, впрямь, моя вера убога
Раз уж близкие слов не таят
И туда посылают Бога, –
Где Макар не гонял телят.

Видно, вера моя однобока
И уста безобразно немы –
Что защиты просить не у Бога
Легче им,
а у Демона тьмы.

Что в безбожие впали и ересь
И обходят Храм стороной,
Ни в кого, ни во что не верят,
Сатана иль Христос – всё равно.

Сколько желчи и гневных эмоций,
И от Бога так далеки...
Замутились души-колодцы,
Засорились песком родники.

47

Мы – не Те */Ев. от Лк 18, 9 – 14.[11]/*

Отчего в глазах иных бомжей
Затаилась мудрость совершенства,
Иль наивность детства?..
Неужель
Се печать небесного блаженства?

Среди них немало и таких –
Работяг, не пьяница, просто нищих,
Некогда обманутых, нагих,
Без семьи, жилья
и в жизни лишних.

Пахнут они дурно и грязны,
шарят по помойкам –
но не воры...
Ах, к чему об этом разговоры –
не нужны нам ЭТИ.
И ясны
Наши лица, как и наши взоры.

И когда пллюют на них жлобы,
Не стесняясь ни речей, ни жестов –
Мы киваем,
будто позабыв,
Про суму и посох, про аресты.

Проживаем жизни в суете,
Мир духовный и не знали, ровно.
Мертвчиною смердим греховой,
Упиваясь мыслью:

Мы – не Те.

11.01.2006

48

49

Любовь */1 Кор 13/*

Что ждёт тебя, Россия, впереди?
Какой ты станешь –
нищей или сытой?
Кто сохранил огонь в своей груди
И мглистость дней просеет через сито?

Наступит ли рассвет,
придёт ли новь,
Чтоб некогда предсказанному сбыться?..
Да, сбудется,
но лишь когда любовь
Опустится на наши злые лица.

Ведь лишь любовь одна
не ищет зла,
всё переносит,
верит,
не гордится,
ко всем добра, в годину – весела
И в мрачные одежды не рядится.

Там, где любовь живёт –
не льётся кровь
И у детей не пухнут в плаче губы.
И Мир не красота спасёт –
Любовь,
И веру и надежду не погубит.

50

Молодой и старец

Всегда прав молодой...

А потому что молод,
Жизнь начинает с чистого листа,
И в жилах – кровь быстрой,
и сердце бьёт, как молот,
Когда рука обнимет женский стан.

На плечи груз прошедших лет не давит
И юных дев любить свободен он.
И тот небрежный, вольный move tone
Они подчас в вину ему не ставят...

Другое дело – старец.

Жизненные громы
Познал он и не рубит сгоряча.
Поступки выверены и слова весомы,
Врачуют душу, хоть порой горчат.

Нередко беды он предотвращает
Лишь добрым словом к злобному лицу...
Но если что прощается юнцу –
То старцу – закалённому бойцу,
Как правило, ошибок не прощают...

51

Волшебник слова

*...и верен я, отец мой, Дьявол,
обету, данному в злой час,
...у тебя, милосердного Бога,
много славы, и света, и сил.*
Ф. Сологуб

Опять коснулись глаз моих и губ
Творенья тех, кто жизнь оставил эту.
И среди них, давно ушедших в Лету, –
Поэт – философ
Фёдор Сологуб.

Всё думаю – что он хотел сказать
В конце пути,
а, может быть, в начале
Своим потомкам,
чуть прикрыв глаза,
Осеними и долгими ночами?

О чём мечтал, когда слагал стихи
Восторженным, порою грешным слогом,
И возмущал течение стихий,
Заигрывая
с Дьяволом
и Богом?

Не знал

иль не хотел он знать того,
Испив вина из сладостного рога,
Что ум лукавый, славя одного,
Незримо отпадает от другого,
Что мелкий бес бывает мил и люб,
Губя легко неопытные души...
Наверно, знал всё это Сологуб,
От юных лет неверием простижен.

Певец страстей...

Скажи, не оттого ль
Грехом растлилась бедная Россия
И, словно отыграв чужую роль,
Покончила с собой Анастасия?..*

Поёт в ночи с небес незримый клир
То весело, а то с насмешкой злою –
Что жил поэт,
оставил этот мир,
В смирении не став пред аналоем.

17.03 – 12.04.06

* Анастасия – жена Фёдора Кузьмича Сологуба.

* * *

*Не птицы женщины.
Мы кошки...*
E. M. Рыхлова

Верно... Женщины наши не птицы, а кошки,
И такая порода в России, увы – большинство.
И шагают они протореною кем-то дорожкой,
Постепенно, но верно, теряя своё волшебство.

И не сразу поймёшь, что за пол повстречал
на дороге...
А табак изо рта – никакой не поможет «Дирол»...
И исчезли под брюками стройные женские ноги,
Те, что раньше мужчин заставляли брать
руки перо.

Отучились однажды вы верить в любовь
с хэппи-эндом,
Потеряли способность как вольные птицы
летать.
И не нужен супруг – вам удобней и проще
с бой-фрэндом
На гламурном белье, не стыдясь, Камасутру
листать...

54

55

Где-то в Крымских степях...

«Белым был – красным стал:
Кровь обагрила.
Красным был – белым стал:
Смерть побелила».
M. Цветаева, 1921

Где-то в Крымских степях,
где гремели бои,
И труба ободряюще пела,
Как сама справедливость – снега замели
Однаково, красных и белых.

В ковылях не найти ни звезды, ни креста,
Лишь дорога бежит неустанно.
И давно уже прах разметали ветра
Комиссаров и штабс-капитанов.

Но всё верится, что у заоблачных врат,
Ко плечу прикасаясь рукою,
Скажет тихо один:
«Ты прости меня, брат»,
И водой ему ноги омоет.

Нежно кровь оботрёт у него на виске
Краем грубой солдатской шинели
И напишут вдвоём слово «МИР»
на песке –
То, что раньше сказать не сумели.

Дорогие мои! Не зовитесь ни стервой,
ни коброй!

(Ну чого они могут думе вашей доброго дать?)
Неужели исчез ваш известный всем
пушкинский образ?
Неужель не вернуть, и ушел он от нас
навсегда?..

Да, не птицы вы, женщины наши, но кошки!
В мир безумный несёте свободной любви
торжество
И упрямо идёте по своей одинокой дорожке,
Постепенно, но верно, теряя своё волшебство.

28.06.07

Будет каждый прощению искренне рад,
От волнения пот вытирая,
И, возможно, ключи в тишине зазвенят
От желанного, тайного Рая.

И неважно, кто предок твой –
раб или князь,
Но звучит повеление свыше –
Нам поставить кресты на могилах,
виняясь,
Чтить Россию
и помнить погибших.

29.05.06

Неспроста

Что-то много нынче юных дев
Так одарены лицом красивым,
Что порой смотреть невыносимо
Даже старцу, сердцем охладев.

Неспроста, быть может, в наши дни,
В век, который злобою отмечен,
Так прекрасны лица их и плечи,
Что полотнам мастера сродни.

И в краях, где нрав природы крут,
И южнее, ближе к тёплой Ницце,
Эти девы, будто бы царицы,
Как холопов нас к себе влекут.

Прикупив одёжку помодней,
Обнажив, как вызов, грудь и плечи,
Дьявольски расчётливо калечат
Души неразборчивых парней.

И не слуги ль это князя тьмы,
Кто призвал их наши души ранить,
Восхищать собой, влюблять, дурманить,
Ведая исход смертельной браны
На полях российской кутерьмы?

58

Никого земля не забывает,
Павших помнит,
помнит и Париж...
По весне, в цветенье, как живая,
Дышит и парит.

Убегают вдали и в бездорожье,
Словно кипарисы, тополя
И поля, засеянные рожью...
А меня пронизывает дрожью
Гордость наша и творенье Божье –
Чёрная земля.

60

Чёрная земля

Летний зной...

В безмолвии застыли,
Словно кипарисы, тополя...
Есть в просторах матушки России
Чёрная земля.

И ценя её дороже денег,
Сохраняли русские цари
И возил известный академик
С гордостью в Париж.

Там героем дня не вещи стали,
Не алмазы, не морёный дуб,
А горою, встав на пьедестале,
Чернозёмный куб.

Чёрная земля, как будто масло –
Подходи, намазывай на хлеб...
Пропиталась кровью белых, красных
С тех далёких лет.

Прилеплялась намертво к шинелям
На неё упавших под огнём.
И с годами как-то стал жирнее,
Гуще чернозём.

59

* * *

Вновь недужье в ночи приползло,
и рукою костяловой,
ухмыляясь недобро,
скимает сердце мое.
Не за те ль времена,
где наивно мечтал я о славе,
Людям реже давал,
но чаще у них брал взаём.

Где, кружась в суете,
словно лошадь слепая, по кругу,
Средь знакомых моих
плёл, бывало, лукавую вязь,
И, убыстрив шаги,
оттолкнул от себя чью-то руку,
Призывающий голос
не слышал вблизи,
торопясь.

И уже из того, что сбылось –
ничего не исправить.
Хоть излейся добром,
удались ли на веки в Афон.

Нет, не зря пели мне в час осенний
с печалью дубравы
И слетал с поднебесья, порою,
нерадостный зон...

61

Но, однажды, трезвясь,
в тишине запоёт моя лира,
Станет Бога просить,
прежде чем мне навеки уснуть,
Показать ещё раз
красоту первозданного мира —
И вечерние зори,
и звёзды,
и в небе луну.
И чтоб снова блеснул, как и прежде,
в руках моих скальпель —
Этот многие годы
надёжный и преданный друг —
И воспряну от сна,
словно выпив божественных капель, —
Для добра,
для любви,
изгоняя из сердца недуг.

20.04.07

62

Памяти мурманского поэта Александра Миланова

...Погоду угадать
мне помогает вореск,
жёд пчёлы принесут,
ручью напоют всласть.

A. Миланов

Нетрудно заплутать в обманчивом тумане,
Где, словно, диких птиц
нас бьет охотник
влёт...

Не верится никак,
что Александр Миланов,
Однажды, по весне,
ушёл под тонкий лёд.
Он, верно, размышлял про жизнь
и не заметил
Коварной полыни под снегом,
как на грех...
И свет померк в очах,
и руки – словно плети,
И лишь одна душа –
без тела –
взмыла вверх.

По непривычно тих здесь мир,
в небесных кущах,
И сердце, и душа –
все по земле болят...
И склонится Поэт в поклоне
перед Сунцем,
Пождать – повременить немножечко,
моля.

И сунет пальцы в рот,
и свидает,
чтобы встали
У зыбкого крыльца
копыта лошадей.
И деву,
что хотел украсть,
посадит в сани
И кнут себе сплетёт
из вереницы дней.
И вдарит по коням
нетерпеливо,
хлестко,
Взметнется белый снег,
в сплошной сливаешь круг.
Рассыплют бубенцы серебряные блестки,
И зазвучат с небес стихи поэта вдруг.

О женщинах, о том,
 что дорог край родимый,
Где милой тундры ширь,
 мощь северных ветров,
О том, что не найти вовеки
 слаше дыма,
Не гаснущих в ночи,
 посадочных костров.

О том, как в летний день
 куржавятся деревья,
О счастье из ручья
 бычком напиться велась,
О лепете травы...
 И я Поэту верю,
Что с тундрой вековой
 душа его сплелась.

11.04.02

Ираиде Виноградовой – саамской поэтессе посвящается

Кто тайну судьбы смог постичь
поэтессы саамской,
В тревожное сердце её
 кто смог заглянуть?
Порою беспечно жила,
 как в весёленькой сказке,
Стремясь, хоть на время,
 развеять душевную муть.

Стройна и легка, грациозна
 в саамском наряде,
Лебёдушкой белой, раскинувшей оба крыла,
И с детским весельем,
 и женским лукавством во взгляде
На праздниках наших
 она перед нами плыла.

Душевная боль, словно нож,
 словно огненный шкворень
Прошли насквозь бедной женщины
 хрупкую плоть.
Не в этом ли суть и причина –
 трагический корень,
Сгубивший талант
 и из сердца забравший тепло.

Но он не возьмёт, не затянет зелёною ряской
Слова и дела,
 что несут просветительный свет...
Закончена жизнь на земле
поэтессы саамской,
Осталась душа,
 над которой времени нет.

10.03.07

От автора

Со страшной скоростью летят мои года.
Их количество уже до безобразия большое.
Если б груз прожитых мной лет возложить
на плечи юноши – он (груз) придавил бы его
к земле, расплющил. Я этот груз несу только
потому, что он возрастает постепенно, как бы
исподволь. Однако всему есть предел...

Но несмотря на «знатные» свои годы, хочется
ещё что-то доброе сотворить, поддержать
унывающую чью-то душу, вселить в неё надежду,
веру и любовь, любовь к людям и Творцу...

Благодаря помохи добрых и бескорыстных
людей вышел четвёртый сборник моих новых
стихов. Об их качестве судить не мне, а моему
любезному читателю.

О чём стихи? Да о том же, о чём и в прежних сборниках: о Душе, о Любви, о Боге.

Это три неизменные ипостаси, три столпа, на
которых, по моему разумению, должна строиться
жизнь человека. Особенно теперь, в наше
такое непростое время, когда духовные ценностии
как-то незаметно отошли на второй план.

Льшу себя надеждой, что мои стихотворные
строки у кого-то затронут потаенные струны,
всколыхнут в груди добрые чувства.

...И вдруг яснее станут дали
Милее синева небес
И мир покажется добре...

И если это случится – буду считать свой труд
не напрасным.

В заключение выражают сердечную благодарность Марине Владимировне Чистоноговой и Якову Иоевичу Черкасскому, которые написали предисловие к настоящему сборнику стихов и дали ему (сборнику) положительную оценку, а также Александру Рыжкову за правку моих рукописей.

Большое спасибо моей жене Натальи Константиновне за доброе сердце и поддержку в трудные минуты моего творчества.

А так же выражают огромную признательность Мельяновскому Леониду Владимировичу за бескорыстную материальную помощь, без которой не вышел бы этот сборник стихов.

E. Алексеев

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
“Для добра, для любви, изгнания из сердца недуг”	4

I. И ЗАЗВУЧИТ ВЕСЕЛЫЙ АЛЬТ...

Мой шант	10
Горят занавесы...	11
И зазвучит веселый альт	12
Приход Паэхи	13
Союз мелодии и слова	14
Метаморфозы	15
Встреча	16
Как-то все охотнее...	18
Нарушение обета	20
У нас в краю...	21
Я на чресла надену зумпари...	22
В этот год лето выдалось жаркое...	23
Преддверие осени в Выборге	25
Луна познает...	28
Про зверя	30
Материнское горе	32
Словно хроник болевой...	33
Прокукуй мне, кукушка...	35

II. И МИР НЕ КРАСОТА СПАСЕТ – ЛЮБОВЬ...

Память	38
Русь настоящая	39
Раскапан кодокол...	41
Кони Дон Кихота	43
Если к людям сердце охладело...	45
Капая на тебе, страна, печать...	46
Видно, впрямь...	47
Мы – не Те	48
Любовь	50

Молодой и старец	51
Волшебник слова	52
Верно... Женщины наши...	54
Где-то в Крымских степях	56
Неспроста	58
Черная земля	59
Вновь недужье в ночи...	61

III. ПАМЯТИ УШЕДШИХ ИЗ ЖИЗНИ...

Памяти мурманского поэта А. А. Миланова	64
Памяти саамской поэтессы И. В. Виноградовой	67
От автора	69

Евгений Алексеев И ЗВУКИ ЗАРОЖДАЮТСЯ ВО МНЕ

Подписано в печать 12.02.2008 г. Формат 70x90/32.

Бумага офсетная.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 2,7.

Заказ 147. Тираж 500 экз.

Открытое акционерное общество
«Мурманское издательско-полиграфическое предприятие «Север»
183624, г. Мурманск, ул. К. Маркса, 18

